

О ЛИТЕРАТУРНОМ труде, о своем его понимании можно говорить много. Скажу о том, о чем думается именно сегодня.

Самое великое, что было в жизни людей моего поколения, — это Отечественная война. Решил я однажды предложить писателям-фронтовикам рассказать, кто как встретил начало и конец войны, и из этих рассказов составить сборник. Но намерение это пока не осуществилось, все некогда, суeta, а между тем уже попадали многие...

Война застала меня в Курейке на севере Красноярского края. После детдома я некоторое время работал в сельсовете. Мюнским утром отправился в лес по жерди для огорожи сельсовета, а когда с возом въехал в поселок, там уже митинг был в разгаре. Думал, как и все, что война скоро завершится, и, когда через несколько дней услышал, что фашисты на березине, был совершенно ошеломлен. Зимой провёл в красноярской школе ФЗО, потом работал составителем поездов, а в 42-м уже ушел на фронт.

День Победы встретил в местном полку, где очутился после госпиталя. Стоял ночью часовой на посту. Напротив нас расположился танковый корпус, и вдруг там застреляли, запалили крупнокалиберные пулеметы на башнях тяжелых танков, забыхали зенитки, весь город задвигался, засветился. А у нас в казарме спали, и радио, которое целый день не выключали, ожидая вести, не услышали. Я понял, в чем дело, и на радостях тоже высидел из винтовки пять патронов. Выскочил старшина в кальсонах, всю войну противившийся «застаскинам» в тулу, решил со сна, что на нас напали бандеровцы, ударился в панику и, чтоб на ком-то сорвать свое солдафонское зло, отправил меня на «губу». Кругом обнимаются, плачут, после ранений все, из разных госпиталей, порой ировью заплести за Победу, дожили до нее, пришел долгожданный час, а я на нарах, оскорбленный, валялся. Наконец, ребята меня отыскали, сорвали замок, дали самогонки выпить...

Между этими двумя днями сорок первого и сорок пятого — передовая, бои, ранения, четыре солдатских года непостижимо тяжелой, аскасной, насыщенной работы, порой непосильной. Память о пережитом не умерла в нас. Проходят десятилетия, и не утихает, а все растет внутренняя потребность рассказать о самом главном, осмыслить происшедшее масштабно, глубоко, с общечеловеческих позиций. Идущие вослед должны знать правду о войне, очень жесткую, но необходимую, чтобы, познавая, сострадая, негодую, извлекать из прошлого уроки.

Тема войны для меня святая, отношусь к ней с повышенной строгостью, считаю, что касаться ее можно только с душевным трепетом, с поклоном до земли людям, которые прошли ее долгими дорогами, с неутихающей болью о тех, кто остался на этих дорогах навечно. С годами писать о войне стало труднее, и не оттого только, что создана большая литература, что написано много и со всех сторон. Сложно потому, что выработался стереотип мышления, отношения к войне. И даже ветераны, солдаты, инваляды в своих воспоминаниях упоминают иногда только о том, что им приятно. А правда выборочной не бывает. Но память человеческая так устроена, так хорошо она работает, что как резинкой стирает все неприятное, люди видятся себе героями, хорошими себе кажутся. А мы не были святыми, мы оставались просто людьми и преодолевали себя, свои слабости. Полагаю, что самая правдивая книга о войне будет без дозирования: сто граммов положительного, пятьдесят — отрицательного. Говорил уже об этом и еще раз скажу: для правды никто весов и гирь не придумал, да и не придумает, уверен.

СЧИТАЮ, что сам мало написал о войне и что моя главная книга о ней — впереди. Уже много лет готовлюсь ее писать. Роман, — я боюсь этого слова, но тут смело называю, — большой роман о том, как было на войне, как жили, если это можно назвать жизнью, и вообще о том, какое все-таки человеческое существо — сверхслабое и сверхмощное: то его щелчком можно убить, а то все побрывать, а он будет жить и еще даже, победив недуг, творить. Книга, думаю, получится суровой, как суровы, немилосердны мои воспоминания о тех незабываемых днях.

Хочу затронуть тему, которой пока еще не касалась литература, — написать о запасных полках. В конечном счете от того, как велась там подготовка, от их боеготовности зависела во многом наша потеря и утраты на пути к победе. Рассказу о восьми днях, проведенных мной на днепровском плацдарме. В них как бы сконцентрировались страсти, ужасы, проклятая работа войны. На войне человеческая индивидуальность играла очень большую роль. Толстокожие люди выживали лучше, чем человек, у которого нервы неминуемо пошатывались. Меня обычно хватало в боях на десять дней, а потом уставала голова, сдавала нервная система, я начинал делать какие-то несуразные поступки, не угадывал на три хода вперед, а вел, ничто, кроме самого солдата, его жизнь не сохранял. На переднем крае он должен сообразить, как одолеть врага, как победить его и при этом остаться живым. На днепровском плацдарме меня хватило всего на восемь дней. Но там каждый день шел, конечно, за много месяцев, а может, и лет. И наша сегодняшнее нездоровье и ранняя старость — это плацдармы аские. Будет в романе и бои, будет ружейная, Ю. Друнина прекрасно написала

Фото А. КОНОНЕНКО

Виктор АСТАФЬЕВ

♦ Святая тема — Великая Отечественная

♦ ...Покой нам только снится

ЗРЯЧИЙ ПОСОХ

Я только вас видела, рукопашный. Раз — палку. И тысячу — во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно, Тот ничего не знает о войне.

Можно сказать, что мотив этого стихотворения — лейтмотив всего моего будущего романа.

А третья часть книги — о послевоенной жизни, о том, как лихо пришлось нам, молодым, недоучившимся, потравившим на фронте здоровье...

Несколько лет назад в одном интервью я обмолвился, что собираюсь выпустить книгу «Рассказы на госпитальной койке». Теперь я раздумал ее издавать, потому что уже два повествования в рассказах вышли — «Последний поклон» и «Царь-рыба», и мне не хотелось бы эту форму еще раз повторять. Видно, в третьей части романа я найду место для госпиталя и дам всем слышанным мною товарищам выговориться — будет там серьезное и смешное, страшное и нелепое, у всякого своя интонация, как говорил Твардовский, хорошо, когда кто звет весело и силально. А может, разбросаю эти рассказы по роману, и станут они какой-то разрядкой... Но это все волнения будущей книги. Говорить о ней подробно не скромно, конечно, и ни я, и чужие, не у кого что болит... а у меня болит, и серьезно и давно уже...

СРЕДИ документальных вещей о войне — а раз собираюсь роман писать, то начитываю о фронте, — к сожалению, много книг, где истина подменена сочиненным, где проступает явное вранье. К книгам этим относиться надо осторожно, особенно когда видишь, что написаны они не самим воевавшим, а литобработчиком. Есть, конечно, мемуары, и очень хорошие: и маршалов наших, и командиров, и ветеранов войны. Самой полезной для меня стала книга К. Симонова «Шел солдат...». В фотографиях, в кадрах кинохроники, в рассказах участников сражений все подлинно, все убеждает. Симонов большую часть только комментирует, не разрушает правду, не обрабатывает документы.

Я высказал на страницах «Советской России» пожелание, чтобы наши журналы и газеты чаще публиковали мемуары, особенно солдатские. Знаю, беспокоился о том же и В. Кондратьев, что нашего брата остается все меньше, и стигнут ценнейшие свидетельства, канут в Лету. У воевавших это вызвало большой отклик, сужу по собственной почте, а вот у редакций энтузиазма, к огорчению, нет.

ДУМАЮ, все лучшее в литературе о войне создано теми, кто воевал на передовой. Ю. Бондарев, Г. Бакланов, В. Быков, К. Воробьев, Ю. Гончаров, С. Крутилин, Е. Носов, В. Кондратьев... Мы нанто с К. Симоновым говорили, что среди авторов военных книг многие не бывали на передовой, а жизни в десятки километров от нее складывалась значительно лучше, а в ста — и совсем хорошо. Там не испытывали того, что пережили мы, окопники, не знали наших тягот, не ощущали столь сильных нервных перегрузок. Им было лучше, чем и тому, кто стоял в тылу день и ночь у станка.

В литературе о войне особая статья — творчество Василия Быкова. Я уже говорил, что, когда подражать Быкову, писать под Быкова нельзя, как нельзя, допустим, петь под Высоцкого: этим хриплым голосом, орущим, несколько ерничающим, петь мог только он. Василий Владимирович не признает полутонуса, у него трус — храбрый, честный — сволочь, черное — белое, и получается талантливо, а возмущается кто другой — притворяется. Я читал уже подражателей: глухота, беззвучно все. Быков — уникальное явление в белорусской прозе, во всей нашей советской литературе, думаю, и в мировой. Это художник очень высокого гражданского

мужества, огромного, трудом нажитого мастерства. Сейчас какой-то этап он, видимо, исчерпал. Переходить с одного на другое всегда сложно, и я желаю ему успешно преодолеть этот переход к новому — на преодоление иногда уходит больше сил, чем на саму работу. Думаю, что и Ч. Лйтматову, чтобы прийти к новому роману «И долгие вена длится день», надо было много преодолеть в себе и вокруг себя. Очень понравился мне роман. Такая концентрация мыслей, чувств...

Но вернусь к белорусам, пишущим о войне. А. Адамович, Я. Брылю, В. Быкову, А. Макаенку, И. Мелеку, И. Шалякину и другим удалось создать очень серьезную литературу. Причем иногда раньше, чем это появлялось в русской, им удавалось найти совершенно неожиданные повороты, новые темы. Так было, например, когда белорусские прозаики взялись за документальные вещи «Я из огненной деревни...», «Хатынская повесть». Белорусам полагалось такое написать, их республика столь жестоко пострадала от врага. Но это я теперь говорю, что полагалось, когда книги уже написаны, когда они оказали существенное влияние на всю нашу литературу о войне — раздвинули рамки изображения, а главное, углубили понимание ее сути.

Не на голом месте, конечно, создавали свою «Блокадную книгу» Д. Гранин и А. Адамович. О блокаде написано немало, в том числе «Наш современник» печатал документальную вещь — дневник Г. Кулагина, кстати, критикой мало замеченный (он вышел уже отдельной книгой). Но сделанное Граниным и Адамовичем — это, кроме всего, очень большая, кропотливая работа. И потом это — безмерное страдание. Критика как-то не видит, не говорит о том, что подобный труд сжигает сердце художника. Вот упали один за другим М. Луконин, С. Орлов, список, к беде нашей, все увеличивается. И сейчас художники, спустя годы после войны, не щадят себя. Значит, они имеют определенную степень мужества, значит, для них творчество — беспощадная самоотдача. Чтобы написать такую книгу, сколько надо пережить, сколько надо страдать. Блокадник скажет слово-другое, а потом плачет. И у тебя самого сжимается сердце. Эта великая способность — двинуться навстречу страданиям своего народа — относится к тому, что называю гражданским подвигом.

К ВОЙНЕ обращаются сегодня и те, кто на ней по причине возраста быть не мог. Большинство пишет о голодном детстве, как пахали на коровах, жили в землянках, как подрывали мины, и руки-ноги поотрывало — все страшно. Но написано об этом чрезвычайно много, и написано как-то одинаково. Люди тратят себя, не находя повороты темы, новой интонации, стилистики, обижаются на то, что не печатают. И жалко их потраченных сил, израсходованного впустую времени. Им бы дерзости — искать свой ключ, собственный, не эпигонский подход к материалу.

Однако есть и другого сорта литература, как «Живи и помни», когда на бывший на войне, не нюхавший пороха написал так, что воевавшему не суметь. Именно потому, что фронтовик был бы тенденциозен, односторонен. Здесь мы, максималисты, большие, навалили бы, не хватило бы нам общечеловеческого сострадания. В предисловии к изданию этой повести в «Роман-газете» я как раз и подчеркивал, что В. Распутин зашел на эту тему со своей глобальной стороны, поднявшись над материалом, а не задавленный тяжким его грузом. Распутин — тонкий, цельный, замечательный стиллист, У него совпадения стили

со зрелой мыслью, авторским отношением к материалу — полные.

Прекрасные стилисты Е. Носов, Г. Семенов, В. Лихоносов, но таких тонких, изящных мастеров не так уж много. Больше пишется расхристанных, интонационно невыверенных, видимо, даже не услышанных вещей. А ведь прежде, чем возникнет сюжет, оформится замысел, вещь должна зазвучать. Надо услышать мелодию, навеянную внутренней потребностью и самой жизнью, поймать «звук», как называл одну из главнейших особенностей русской прозы Иван Бунин, — потом уж садиться писать.

С давней приязнью я слежу за работой Ю. Нагибина. Некоторым критикам не нравится нагибинская проза о композиторах, художниках, писателях. Мне кажется, он работает на историческом материале замечательно. Не знаю, какой был в жизни Петр I, но всегда представляю его по фильму, где роль сыграл Н. Симоновым. Не ведаю, какой был Чапаев, но до конца дней своих буду представлять его таким, каким вывел его В. Бабочкин. У нас часто путают искусство, литературу с протоколом, с научным исследованием. У Нагибина же свое собственное толкование того или иного исторического факта, исторической личности. И если он, зрелый мастер, позволяет себе такое толкование, так почему же мне не считать с ним, с его интуицией, с его внутренней культурой?

БЕДА, когда творческим трудом начинают заниматься люди равнодушные, которых мало что заботит, мало что трогает, довольные собой. Они жизнь изучают налетаями, съезжают туда, потом сюда, все поверху, не вглядываясь вглубь, не беря в расчет собственную душу. Я не говорю: иди в шахтеры и тогда напишешь хорошую книгу о современном. Лермонтов о современном не на века написал, но шахтером не был. Он прожил короткую жизнь, но создал очень сложное бытие внутри себя, настолько сложное, что оно оказалось невыносимым, бездны открывал. Вот этой напряженной внутренней жизни не хватает сегодня творцам, говоря высоким стилем.

Неуспокоенности, возмущения, отношения и своему творчеству учил меня известный критик А. Н. Макаров. Сейчас, спустя годы, — он умер в 1967-м, — сознаешь с особой пронзительностью: очень много сделал он для нашей словесности, для писателей, для меня, «периферийщика». Когда его не стало, я понял, что вторично осиротел в своей жизни: много лет назад потерял мать, теперь вот отца, отца-друга, отца-наставника. Дружба с Макаровым повлияла на мою писательскую работу, я стал строже относиться к слову. И сейчас каждую свою строку стараюсь рассмотреть его проницательными глазами.

У меня хранилось оноло полусотни его писем. Писал он, конечно, мне лично. Но высказывания его о литературе, уверен, должны стать достоянием читателей — так много в них ценных современных суждений, мыслей, подняты вопросы, о которых мы и сегодня толкуем. Однажды я сказал Александру Николаевичу, что древние называли память «зрячим посохом». Он восторженно воскликнул: «Наное хорошее название для статьи или книги!» Думал ли я, что через годы так назову книгу его памяти.

ВСЕ БЕЗ МАЛОГО четверть века, что я прожил на Урале и Вологодчине, меня тянуло в родные красноярские места. Все казалось, что я найду там то, что раньше было, но никто, конечно, не найдет, и я, вернувшись, не нашел, но обрел какое-то успокоение, как будто прибыл домой из длительной командировки, — это ощущение счастливое.

Я очень сильно эксплуатировал свою память, писал о Сибири, а жил вдалеке от нее. Записей на веку, дневников не имею, и все — по памяти, вплоть до поговорок и пословиц, вплоть до интонации, которая везде своя. Раз я задумал большой роман — серьезная работа, рассчитанная не на год, — то посчитал, что надо находиться в той языковой стихии, от которой буду отталкиваться, среди тех людей, о ком намерен говорить. И потом, хотя я не пишу о местах, где живу, но надеюсь, что Сибирь даст мне новые, может, неожиданные темы: пути литературные неисповедимы.

Запись Ирины РИШИННОЙ